Вскоре наступило Рождество. Драко и Гермиона уехали на каникулы домой, оставив Гарольда в замке в полном одиночестве. Большой зал, должен был он признать, выглядел впечатляюще. По стенам висели фестоны остролиста и омелы, а вокруг стояло не менее двенадцати высоченных рождественских елей, некоторые из которых сверкали крошечными сосульками, а некоторые переливались сотнями свечей.

Когда Гарольд проснулся в Рождество, у изножья его кровати лежала огромная куча пакетов. С любопытством наклонив голову в сторону, он обнаружил, что первый из них - от Маркуса Флинта, шестикурсника, которого он заставил встать на колени первого сентября. В нем был очень красивый шахматный набор, который выглядел очень дорого. К нему прилагалась записка.

Прошу разрешения списывать на экзамене по Трансфигурации после каникул.

Гарольд хихикнул. Значит, это все были взятки, да?

Он открыл все рождественские подарки и вскоре обнаружил у себя большой запас кровяных палочек, шелковых рубашек, пару кожаных сапог ручной работы с замысловатым рисунком, вырезанным на коже (любезно предоставленных Пэнси Паркинсон, которая, как подозревал Гарольд, была в него влюблена), и еще целую кучу бесполезных вещей. Тем не менее он был благодарен студентам за то, что они сочли нужным откупиться от него, чтобы нарушить правила.

Последняя посылка была очень легкой. Он развернул ее, и что-то жидкое и серебристо-серое сползло на пол, где легло сверкающими складками. Плащ-невидимка. Гарольд поднял его, и из него выпала записка. Он взял записку в руки, и узким, петляющим почерком, которого он никогда раньше не видел, были написаны следующие слова:

Твой отец оставил это у меня перед

перед смертью. Пришло время вернуть его тебе.

Пользуйся им с пользой.

Счастливого вам Рождества.

Подписи не было. Гарольд уставился на записку.

"Пользуйся на здоровье..." - повторял он про себя, и никто не посчитал его сумасшедшим, ведь почти все Слизеринцы разъехались по домам на каникулы.

Так что, надев свои новые и, надо признать, прекрасные сапоги для верховой езды, Гарольд направился в общую комнату, где обнаружил несколько студентов, сидевших тут и там, и все они подняли головы, когда он вошел в общую комнату, приветствуя его с уважением, которого

он заслуживал.

В тот вечер Гарольд тайком выбрался из общей комнаты, надев плащ-невидимку. Это было удивительное чувство - быть невидимым. Это было совсем не похоже на превращение в туман - способность, которой он еще не вполне овладел, ведь он был твердым и мог прикасаться к предметам.

Через некоторое время блужданий Гарольд оказался в неиспользуемом классе. У стен стояли темные парты и стулья, перевернутая корзина для мусора, а у стены напротив стояло нечто, не похожее на то, что ему там принадлежало, - как будто кто-то просто поставил его, чтобы не мешало.

Это было великолепное зеркало высотой до потолка, в богато украшенной золотой раме, стоящее на двух когтистых лапах. В верхней части была вырезана надпись: Erised stra ehru oyt ube cafru oyt on wohsi.

Гарольд подошел к зеркалу, немного торжественно, так как ему никогда не удавалось увидеть свое отражение.

Он заставил себя не вздрогнуть. Он обвел взглядом класс, который выглядел так же, как и прежде. Затем он снова посмотрел в зеркало.

Он стоял, отражаясь в нем, но на нем было что-то другое. На нем была старая черная шинель его предка с красной отделкой, высоким отложным воротником и широкими лацканами, на которых было несколько золотых пуговиц. Вместо галстука на нем был белый галстук. Поверх всего этого он надел свой обычный плащ с высоким воротником.

Вокруг него было похоже на поле битвы. Оно было усеяно людьми, насаженными на пики, а небо было кроваво-красным. Гарольд в зеркале смотрел на него. Затем он откинул голову назад и рассмеялся. Из зеркала не доносилось ни звука, но Гарольд почти слышал этот холодный, высокий смех.

Гарольд навестил зеркало на следующую ночь, и на следующую. Но на третью ночь, когда он стоял и смотрел на себя, раздирающего зубами своих врагов, все они были безликими, до его ушей донесся голос.

"Ну что... снова вернулся, Гарольд?"

Гарольд моргнул, затем медленно повернулся и посмотрел за спину. На одной из парт у стены сидел не кто иной, как Альбус Дамблдор. Должно быть, Гарольд прошел мимо него, так отчаянно стремясь добраться до зеркала, что не заметил его.

"Я не заметил вас, профессор", - сказал Гарольд, оглядываясь на зеркало и гадая, видит ли

Дамблдор то, что видит он. Он решил, что нет. Если бы Дамблдор увидел это, он бы, без сомнения, что-нибудь сделал с Гарольдом, исключил бы его или отправил в тюрьму.

"Странно, как близорукость может сделать тебя невидимым", - сказал Дамблдор, улыбаясь. "Итак, - сказал он, соскользнув со стола и подойдя к Гарольду, - вы, как и сотни других до вас, открыли для себя прелести Зеркала Эриседы".

"Я не знал, что он так называется".

"Но я думаю, ты уже понял, что оно делает? Можете ли вы подумать, что Зеркало Эриседа показывает нам всем?"

"Оно показывает нам самые сокровенные желания наших сердец", - догадался Гарольд, и Дамблдор выглядел восхищенным.

"О, как ты догадался?"

Гарольд указал на надпись на зеркале. "Я показываю не лицо, а желание твоего сердца", - прочитал он задом наперед, и Дамблдор легонько хлопнул в ладоши.

"Браво, Гарольд. Да, самый счастливый человек на земле мог бы использовать Зеркало Эриседы как обычное зеркало, то есть смотреть в него и видеть себя таким, какой он есть".

"Но он хотя бы видел себя", - сказал Гарольд, оглядываясь на зеркало, где его отражение держало оторванную голову высоко в воздухе над открытым ртом и пило капающую из него кровь. Он ухмыльнулся. "Я никогда раньше не видел своего отражения".

"Скажи мне, Гарольд, что ты видишь в этом зеркале?"

"Я могу задать вам тот же вопрос, профессор. Насколько это личное чувство?"

Дамблдор усмехнулся. "Совершенно верно. Наши сокровенные желания обычно лучше держать при себе. Но сейчас, Гарольд, это зеркало не даст нам ни знания, ни истины. Люди погибали перед ним, очарованные увиденным, или сходили с ума, не зная, реально ли то, что оно показывает, или вообще возможно. Завтра зеркало перевезут в новый дом, Гарольд, и я прошу тебя больше не искать его. Если вы когда-нибудь наткнетесь на него, вы будете готовы. Не стоит зацикливаться на мечтах и забывать жить, помните об этом. А теперь, почему бы вам не надеть этот восхитительный плащ и не отправиться спать?"

"Ноктюрн, профессор", - сказал Гарольд, и Дамблдор снова захихикал.

"Я забыл, Гарольд. Ну, по крайней мере, отправляйся в свою общую комнату".

"Да, сэр".

http://tl.rulate.ru/book/101688/3499222